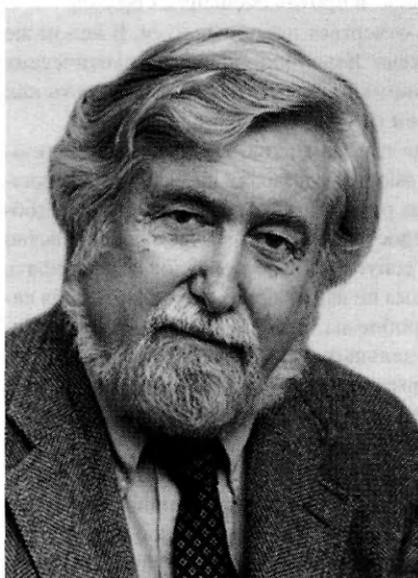

IN MEMORIAM

ЭО, 2007 г., № 2

© А.Л. Елфимов

КЛИФФОРД ГИРЦ (1926–2006)

Несколько месяцев назад ушел из жизни ученый, чье творчество оказало многостороннее и – хоть слово и неловко, оно в данном случае, увы, уместно – кардинальное воздействие на формирование и развитие этнологического-антропологического знания во второй половине XX в. Степень этого воздействия, возможно, не в полной мере ощущалась и ощущается в российской этнологии по той причине, что вплоть до последнего десятилетия XX в. пути взаимодействия отечественной дисциплины с западными дисциплинами были довольно сложны. Тем не менее и в России в последние 15 лет интерес к творчеству этого замечательного ученого быстро и методично возрастал, причем не только среди этнологов, но и среди других гуманитариев и обществоведов.

По сложившейся традиции, раздел "In memoriam" знакомит читателей с жизненными путями тех людей, чья деятельность, конечно же, в первую очередь была связана, условно говоря, с "отечественным" сообществом этнографов, этнологов и антропологов (под "отечественным" здесь, безусловно, не следует понимать ни "российское", ни даже "советское"; это – более широкое сообщество, сложившееся по факту долгого совместного сотрудничества). Клиффорд Гирц к нему не принадлежал. Однако в то же время было бы странным, если бы журнал "Этнографическое обозрение", являющийся центральным и старейшим изданием на этнологической сцене, оставил без внимания событие, имеющее в некотором смысле знаковый характер – закрывающее, возможно, определенный период в истории развития такой дисциплины, как культурная антропология.

В западном научном мире – и в особенности в англоязычном, где авторитетов создавать не любят – не многие этнологи и антропологи удостоиваются того, чтобы об их уходе из жизни в развернутых статьях говорили центральные газеты, такие как американская "The New York Times" и британская "The Independent". Клиффорд Гирц удостоился этой чести, наверное, именно потому, что при жизни стал своего рода "единичной", "знаковой" фигурой (подобной фигуре Томаса Куна в науковедении или Юргена Хабермаса в философии), число которых в каждой научной дисциплине чаще всего бывает невелико. В западной этнологии (этнографии, антропологии) на рубеже XX–XXI вв., возможно, оставалось лишь два здравствующих ученых, чьи образы сохраняли подобный "знаковый" характер по отношению к истории развития дисциплины во второй половине XX в.: Клод Леви-Стросс и Клиффорд Гирц. Если это было действительно так, то Клод Леви-Стросс теперь остался в одиночестве.

Клиффорд Гирц был человеком интересной судьбы и карьеры, которая, с точки зрения стороннего наблюдателя или историографа, представляется во многом последовательной и показат

Алексей Леонидович Елфимов – научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; внештатный научный сотрудник кафедры антропологии Университета Райса (США).

тельно "научной", но о которой сам ученый в интервью последних лет жизни все чаще отзывался как о "сымпровизированной" и во многом обусловленной случаем. Родился будущий антрополог в 1926 г. в Сан-Франциско в семье, которая через три года после его рождения распалась. Несмотря на финансовые и бытовые трудности (здесь следует вспомнить и период Великой депрессии в США) и на то, что ему пришлось посещать заолустную загородную школу, обучение он закончил с отличием, успев осознать, как вспоминал он позже, что образование – единственная дорога в мир. Окончание школы пало на время разгара Второй мировой войны, и, не дожидаясь достижения призывного возраста, юноша ушел на службу, поступив электротехником на корабль Военно-морских сил США. По воле случая его подразделение впоследствии чудом избежало уничтожения в столкновении с японцами.

По окончании войны правительственный указ о льготах на образование для участников военных действий – так называемый *G.I. Bill of Rights* ("Билль о правах для военнослужащих") – дал ему возможность поступить в Антиох-колледж (престижный частный колледж в штате Огайо). В этом колледже, где господствовали принципы либерального образования и студент имел право записываться на те курсы, которые ему были необходимы, Клиффорд Гирц получил прекрасную базовую гуманитарную подготовку в области литературоведения и философии. Антропологические дисциплины в то время в колледже не преподавались, и мысль обратиться к изучению антропологии возникла у Гирца случайно – по совету преподававшего в колледже Джорджа Гейгера, ученика известного американского философа Джона Дьюи. Случайность, как опять же любил говорить Гирц, обеспечила ему и практическую возможность попасть в аспирантуру Гарвардского университета, обучение в котором всегда стоило чрезвычайно дорого и уже по одной этой причине оставалось недоступным для многих. Как раз в тот год, когда он окончил колледж, фонд ACLS ("Американский совет ученых обществ") опробовал экспериментальную программу помощи студентам, поступающим в аспирантуру, причем одна из стипендий в том году отдавалась именно выпускнику Антиох-колледжа и, более того, именно Джордж Гейгер был назначен представителем от данного колледжа в комиссию по отбору стипендиатов. Гейгер, поддерживавший научные контакты с антропологом Клайдом Клакхоном, соруководителем кафедры социальных отношений в Гарвардском университете, рекомендовал последнему Гирца. Стипендия, которая таким образом оказалась в руках везучего абитуриента, дала ему неожиданный шанс поехать в Бостон и, как с иронией говорил об этом впоследствии Гирц, "опрофессионализироваться" в области, о существовании которой он знал совсем немного.

Над этим фактом он потом неоднократно задумывался, как, вероятно, и многие из этнологов и антропологов, ибо в нем было и есть что-то "архетипичное" для нашей дисциплины. Большинство из тех, кто выбирает эту дисциплину профессией, знает о ней до выбора чрезвычайно мало. В отличие от физики, истории, математики, литературоведения, экономики и целого ряда других областей знания, которые известны человеку со школы и в которые он приходит пусть по наивному, но сознательному выбору, в этнографию, этнологию, антропологию как во времена Боаса, так и в сегодняшний день большинство приходит "по случаю". Хорошо это или плохо, никому не известно, но это факт, который методично проявляется в нашей – по словам Гирца, "внутренне конфликтной" – дисциплине от поколения к поколению.

Гарвардская кафедра социальных отношений, на которую попал Гирц, в исторический момент 1950-х годов представляла собой уникальное научное подразделение, проникнутое духом междисциплинарного экспериментирования и идеалами переосмысления предметных границ между гуманитарными и общественными науками. (Надо понимать, что уникальность эта удивительна уже ввиду одного того, что Гарвардский университет в США, как, к примеру, МГУ им. М.В. Ломоносова в России, традиционно представлял собой структуру, максимально приближенную к политическому и социальному истеблишменту и ориентированную прежде всего на развитие авторитарной канонической модели знания, не терпящей излишнего "экспериментаторства" и "еретичества".) Авторитет социолога Толкотта Парсонса и антрополога Клайда Клакхона, организовавших эту кафедру в 1946 г., помог им собрать замечательную профессуру – на кафедре, кроме самих организаторов, лекции и семинары вели такие блистательные ученые, как Джером Брунер, Гордон Олпорт, Джордж Хоманс, Питирим Сорокин. Клиффорд Гирц оку-

нул в атмосферу, где происходила ломка стереотипов, где традиционные, скажем, для этнологии или антропологии вопросы обсуждались комплексно, с привлечением данных социологии, социальной и клинической психологии, статистики и экономического анализа.

Убеждение в том, что глубинные этнологические проблемы не могут быть решены с помощью исследований в рамках одной лишь "классической" антропологии (в американской традиции предполагавшей союз четырех областей: этнологии, лингвистики/фольклористики, физической антропологии и археологии) и должны рассматриваться с привлечением данных и аналитического инструментария гораздо более широкого круга дисциплин, – это убеждение кажется вынесенным Клиффордом Гирцем именно из дискуссий 1950-х годов на гарвардской кафедре. Из дискуссий между Клайдом Клакхоном, Толкоттом Парсонсом и Альфредом Крёбером о том, что же такое представляет собой культура как объект антропологического и, шире, общественнонаучного анализа, Гирц вынесет пристальный теоретический интерес к проблеме культуры, который будет сопровождать его до конца научной карьеры. Идея концептуального разграничения между социальной и культурной системами, предложенная Крёбером и Парсонсом в целях устранения недопонимания и несоответствия аналитического словаря в "социально-антропологической" британской и "культурно-антропологической" американской традициях, займет важное место во многих исследованиях Гирца. Наконец, при всем этом междисциплинарном "багаже", Гирц как ученый сумеет сохранить не только характерную идентичность антрополога, но и специфическую роль продолжателя "боасовской" линии развития антропологии в США – той важной гуманистической линии, основанной на либерально-релятивистских принципах, которая в первые послевоенные десятилетия оказалась размытой и подавленной модернизационными и прогрессистскими настроениями в обществе.

Аспирантура и преподавание на гарвардской кафедре, за которыми последовали докторская стажировка и кратковременная работа в Беркли, завершили 1950-е годы и подвели Клиффорда Гирца к декаде 1960-х годов, которая в карьере ученого оказалась связанной с другой замечательной организацией – Чикагским университетом. В жизни Чикагского университета 1950–1960-х годов еще явно ощущалось наследие так называемой "эры Хатчинса" – двадцатидвухлетнего периода (1929–1951) ректорства замечательного просветителя и неординарного человека Роберта Мейнарда Хатчинса. Сделавший очень много для ломки бюрократических перегородок, мешавших развитию науки и интеллектуального творчества в университете, Хатчинс всячески поощрял создание нетрадиционных структур, облегчавших не только межкафедральное и межкафедальное, но и межуниверситетское сотрудничество. Одной из таких структур стали так называемые *комиссии* – междисциплинарные исследовательские группы, собиравшиеся на несколько лет и организовывавшиеся по тематическому или проблемному принципу. В конце 1950-х годов стараниями социолога Эдварда Шилза и политолога Дэвида Аптера была создана Комиссия по сравнительному изучению новых наций, в которую и был приглашен Клиффорд Гирц. Отмечая тремя десятилетиями позже, что комиссия во многом была продуктом времени, так как возникла на волне общего интереса к изменившемуся после недавней войны миропорядку, Гирц тем не менее говорил, что в ее интеллектуальной атмосфере всегда царил необычное чувство новизны и самое искреннее желание понять находящиеся по ту сторону океана культуры со всеми их проблемами.

Работая в комиссии, Гирц также вовлекся в активное сотрудничество и с университетской кафедрой антропологии. В 1960-х годах чикагская кафедра была, пожалуй, самой свободомыслящей из всех кафедр антропологии в США. Имея замечательное старшее поколение (Фред Эгган, Милтон Сингер, Сол Такс и др.) и не менее замечательное молодое (Том Фоллерс, Дэвид Шнейдер, Мэннинг Нэш и др.), кафедра функционировала в полном смысле слова как генератор свежих идей. Гирц позже вспоминал, что нигде более не встречал группы антропологов старшего поколения, настолько открытой и доброжелательно настроенной по отношению к младшим коллегам. Именно здесь, в кафедральных дискуссиях, Гирц начнет развивать концепции, которые первоначально будут окрещены "символической антропологией", а впоследствии приобретут название "интерпретативного" подхода. Гирц всегда отзывался об опыте, приобретенном им в Чикаго, как о чрезвычайно важном и незаменимом.

В 1970 г. Гирц принял приглашение возглавить новообразованную Школу социальных наук в Принстонском институте высших исследований. В этом уникальном исследовательском институте, деятельность которого связана с плеядой таких выдающихся мыслителей, как Альберт Эйнштейн, Джордж Кеннан, Джон фон Нейман и Эрвин Панофски, Гирц продолжал работать до конца жизни. В 2000 г. он снял с себя полномочия заведующего и официально вышел в отставку, но до последних дней оставался вовлечен в дела Школы как *professor emeritus*, заслуженный профессор. На протяжении своей долгой научной карьеры Гирц удостоивался множества почестей в академических кругах самых различных стран мира. Его чествовали в Японии и Индонезии, приглашали читать юбилейные лекции в Оксфорде, Вене и многих других научных центрах, он являлся постоянным членом Американской академии наук и искусств, членом-корреспондентом Британской академии наук и почетным членом Королевского антропологического института Великобритании и Ирландии.

Научное наследие Клиффорда Гирца – многообразно и разнопланово. Он оставил множество работ, представляющих большой этнографический, этнологический и антропологический интерес, и множество работ, обсуждавшихся и не переставших обсуждаться историками, экономистами, экологами, социологами, литературоведами, науковедами и философами. Притягательность большинства работ Гирца состоит в комплексности видения предмета – возможно, в той самой стратегии "насыщенного описания", которая хоть и предлагалась Гирцем в первую очередь как инструмент культурно-антропологического анализа, но в то же время превратилась в его характерный творческий прием, дававший возможность самым разным ученым усмотреть в исследованиях антрополога нечто близкое проблематике их собственных дисциплин.

Жанр научной статьи, как более всего соответствующий возможности "насыщенного", "сфокусированного" аналитического изложения, остался, пожалуй, излюбленным жанром Гирца. «Сегодня никто из нас не несет в себе "книги"», – замечал он в предисловии к своему знаменитому сборнику "Интерпретация культур", намекая на то, что как опыт социального существования изучаемого антропологом "объекта", так и опыт научного творчества самого антрополога становится в наши дни все более и более фрагментированным и все менее и менее поддающимся интерпретации в рамках так называемых "больших" классических научных нарративов.

И все же Гирцу не чужды попытки работать в более "крупном" жанре. Четыре монографии 1960-х годов, составляющие то, что в зарубежной историографии порой называют "индонезийский квартет Гирца", в действительности можно считать четырехтомным исследованием по исторической этнографии, социальной антропологии, культурной экологии и традиционной экономике Индонезии. "Религия Явы" – первая часть этого "квартета", до сих пор остающаяся образцовым примером классической англо-американской этнографической монографии – представляет собой пространную, детальную, скрупулезную работу, в которой исследуется не только религия (как это могло бы показаться из названия), но целый комплекс проблем от магии, народного искусства и социального этикета до традиционного и современного права, социальной интеграции и конфликта, идеологии и факторов модернизации. Данная монография интересна, с одной стороны, тем, что, так сказать, в "теоретически необработанном" виде передает всю сложность тех реалий, с которыми Гирцу пришлось столкнуться в ходе его этнографических полевых исследований 1950-х годов в Индонезии; с другой – тем, что в ней, тем не менее, отчетливо отразились разнообразные теоретические установки гарвардской кафедры социальных отношений (такие как, например, установка на анализ культурной и социальной систем). В этой монографии прекрасно прослеживается первая, еще не совсем "оформленная", попытка антрополога сопоставить и соединить теоретический опыт научной школы с радикально отличающимся от него опытом полевого наблюдения – сопоставить и соединить те две преследующие любого этнографа-полевого вещи, которые он впоследствии назовет крылатыми терминами: *experience-near* и *experience-far* (на русском языке встречаются разные варианты перевода: "опыт вблизи – опыт вдали"; "опыт ближнего поля – опыт дальнего поля" и др.).

Три другие монографии "индонезийского квартета", в которых можно видеть своего рода дополнения к "Религии Явы", представляют собой более четко сфокусированные исследования, в

которых ряд вопросов развития общества и культуры Индонезии, поставленных в первой монографии, рассматривается с других углов зрения. "Социальная история индонезийского города" – работа, лежащая на стыке жанров исторической социологии и социоэкономической истории – проливает свет на характер взаимодействия традиционной индонезийской и колониальной европейской культур. "Торговцы и принцы" (первый опыт антропологической "компаративистики" в исполнении Гирца) предлагает сравнительный анализ социальной структуры, этоса, мировоззрения и культурных норм в яванском и балийском обществах. "Аграрная инволюция" – последняя и незаконченная часть "квартета" – выносит на обсуждение гипотезу (до сих пор остающуюся предметом споров и дискуссий) о тесной связи экосистемы, экономических механизмов, культурных практик и модернизационных тенденций в индонезийском обществе.

Все четыре монографии индонезийского цикла интересны тем, что прекрасно иллюстрируют так называемое направление изучения социальных изменений (Social Change Studies), активно развивавшееся в американской антропологии и социологии в 1950–1960-х годах и до сих пор плохо изученное в историографии. Это было направление, не являвшееся какой-либо "школой" (в смысле "оформленной группы ученых", какой можно было бы считать, к примеру, экологическое, психологическое и некоторые другие направления в антропологии), но представленное в том или ином виде на многих кафедрах антропологии и социологии в то время. Повышенное внимание к проблемам традиционализма, развития и модернизации, в целом характерное для данного направления, отчетливо наблюдается и в первых четырех монографиях Гирца. Подход к исследованию этих проблем, избранный Гирцем, – своеобразный синтез веберовской исторической социологии и боасовской культурной антропологии, – оказался плодотворной методологической установкой, позволившей ученому развить множество положений, внесших значительный вклад в научные дискуссии не только среди этнологов и антропологов, но и среди представителей смежных научных дисциплин. Центральный вопрос "индонезийских" монографий Гирца ("Насколько существенными факторами того, что обществоведы считают сугубо макроэкономическими тенденциями, являются социальные практики и культурные нормы?") продолжает оставаться актуальным и в историческом контексте сегодняшних дней.

1960-е годы, связанные с деятельностью в Чикагском университете и полевой работой в другой стране (теперь уже – Марокко), в творчестве Гирца ознаменовываются возрастанием интереса к сравнительным исследованиям и к изучению проблемы культуры как специфического объекта антропологического анализа. Ученый все острее осознаёт опасности злоупотребления формальными экономическими методами при анализе социальной и культурной сфер и все отчетливее чувствует необходимость возвращения на повестку дня качественных культурно-антропологических исследований, отошедших к 1960-м годам на второй план в результате полутора десятилетий послевоенной "модернизационной" эйфории в социальных науках США. Сравнительный аспект исследований – та самая компаративистика, которая оказала большое воздействие на развитие антропологического знания начиная с периода его институционализации в XVIII в. – оказывается чрезвычайно важным в развитии аналитических концепций Гирца в период его работы в Комиссии по сравнительному изучению новых наций. Это хорошо прослеживается во многих из его статей данного периода, общая задача которых – попытаться понять, почему общества, которые представляются сходными с точки зрения внешних экономических показателей и социальных тенденций, обнаруживают такие парадоксально различные внутренние культурные особенности, тенденции политического развития, "модели" вхождения в новый мир, образовавшийся после начала крушения колониальной системы. Повышенный интерес Гирца к вопросам функционирования и легитимности власти, к вопросам соотношения политики, идеологии и культуры, а также к вопросам идентичности и национализма (интерес, который органично волеется в более поздние исследования антрополога) можно рассматривать также как один из непосредственных результатов его работы в чикагской комиссии. Среди статей этого периода – известные отечественному читателю (по переводу в сборнике "Интерпретация культуры") "Идеология как культурная система", "Религия как культурная система", "Политика прошлого, политика настоящего", "Интеграционная революция: примордиальные чувства и гражданская политика в новых государствах".

В 1960-х годах в работах Гирца начинается и теоретическое освоение того корпуса антипозитивистской мысли, которое одновременно, в самых разных областях гуманитарного и общественнонаучного знания, начинает отражаться в научном творчестве его современников, таких как Ирвинг Гоффман, Чарльз Тэйлор, Поль Рикёр, Юрген Хабермас, Ричард Рорти и др. В частности, идея, что ментальные явления, будучи скрыты сами по себе, тем не менее несут общественный характер и их можно наблюдать в сфере человеческих действий, приобретает все более оформленное звучание в исследованиях антрополога. В них становится различимым воздействие традиций изучения философии языка и мышления, заложенных такими разными исследователями, как Эдвард Сепир и Людвиг Витгенштейн, Сьюзен Лангер и Кеннет Бёрк. Гирц стремится анализировать культуру с точки зрения *социального действия* – того активного элемента, в котором культура "разворачивается" и обретает свою характерную форму. Внимание ученого начинает притягивать и логика исследования отдельных поведенческих актов и явлений общественной жизни в работах представителей феноменологии и социальной психологии (Альфред Шюц, Морис Мерло-Понти, Джордж Герберт Мид и др.), хоть Гирц как антрополог и не принимает феноменологию в ее "ортодоксальной" форме – форме, в которой разнообразие жизни в некотором смысле сводится к набору так называемых универсальных, "общепринятых", действий. Как антропологу-компаративисту, Гирцу уже хорошо известно, что "универсалии" в культуре – понятие весьма относительное и спорное. Отражение этих теоретических интересов, которые все чаще подсказывают Гирцу, что ключ к проведению культурно-антропологического анализа лежит в области "не социальной механики, но социальной семантики", присутствует в большинстве работ антрополога, написанных в 1960–1970-х годах. Это и программные статьи сборника "Интерпретация культур" ("Насыщенное описание", "Личность, время и поведение на Бали", "Глубокая игра: заметки о петушиных боях у балийцев"), и статьи, вошедшие в более поздний сборник "Локальное знание", и работы "марокканского" цикла, такие как сборник "Значение и порядок в марокканском обществе" или книга "Islam Observed" (характерная для Гирца ироничная игра слов: "Наблюдая/соблюдая ислам"). Часто цитируемое "гирцевское" определение антропологии не как экспериментальной науки, находящейся в поисках закона, но как интерпретативной науки, находящейся в поисках значения, достаточно точно выражает суть поворота в теоретических интересах ученого, наметившегося в этот период.

На вторую половину 1970-х – первую половину 1980-х годов приходится пик воздействия интерпретативной исследовательской программы, предложенной Гирцем, на разные дисциплинарные сообщества (в особенности на сообщества историков и литературоведов, не учитывая, разумеется, сообщества антропологов). В 1977 г. на конференции историков в г. Расине (штат Висконсин) о Гирце отзываются как о человеке, значительно увеличившем интерес историков к антропологии. Даже несмотря на то, что в это время многие известные антропологи (Сидни Минц, Эрик Вулф, Маршалл Салинс, Энтони Уоллес и др.) работают в русле историко-этнографического жанра, создавая прекрасные труды, все же по тем или иным причинам именно в работах Гирца оказываются наиболее четко высвечены и те аналитико-методологические стратегии, которые антропология предлагает историку, и те эпистемологические проблемы, на которые она вместе с тем обрекает междисциплинарный творческий процесс. В 1980 г. Гирц публикует свою последнюю "индонезийскую" монографию ("Негара: театральное государство на Бали XIX в."), которая быстро занимает место в ряду "модельных" работ историко-этнографического жанра, таких как "Сыр и черви" Карло Гинзбурга или "Монтаю" Ле Руа Ладюри. Эта монография примечательна тем, что в ней Гирц искусно воплотил на практике множество концептуальных и методологических установок, вольно рассыпанных по статьям сборника "Интерпретация культур", и данное исследование нередко выделялось историографами как программный образец того, на что собственно ссылаются как на "гирцевский" тип антропологии. Приемы "насыщенного описания", "текстового" анализа культуры и интерпретативный подход превращают повествование в "Негаре" в многослойный нарратив, который, как отмечали многие, может читаться, в зависимости от установки читателя, как этнографическая монография о современном балийском обществе, как исторический экскурс в тысячелетие индонезийской цивилизации, как критическо-эстетический этюд или как социологический анализ

института государственности и символизма власти. Это – текст, в высшей степени "диалогичный", реагирующий на запросы читателя и вступающий в полемику с читателем (хотя, как сказал бы Гирц, таков текст любой книги и "текст" любой культуры, которую изучает этнограф).

В 1980-х годах в творчестве Гирца наступает момент рефлексии, переосмысления тех основ, на которых зиждется этнография, этнология, антропология как научное предприятие. Его книга конца 1980-х "Труды и жизненные пути: антрополог как автор" хорошо известна историографам как пронизательное размышление о перипетиях научной работы Бронислава Малиновского, Рут Бенедикт, Эдварда Эванс-Причарда и Клода Леви-Стросса и как критическое суждение о характере этнографической практики вообще. В творчестве 1990-х годов Гирц все чаще выступает не как антрополог, но как науковед, рассуждающий о более широком круге проблем гуманитарных и социальных наук. Гирц больше не пишет книг, но по-прежнему остается ювелирным мастером научной статьи – в статье он успевает выразить то, на что многим другим не хватает монографии (британский антрополог Годфри Лингардт однажды с удивлением отметил, что чтение статей Гирца напоминает ему просмотр старых фильмов с "ускоренным" движением, в которых информация подается как бы в "сжатом" виде). Два последних сборника статей ученого – "After the Fact" (опять характерная для Гирца игра слов: "Постфактум" / "В поисках факта") и "Доступный свет" ("Available Light") – наглядное подтверждение этому.

Клиффорд Гирц заслужил себе репутацию как исследователь и автор, в творчестве которого начала растворяться грань между академической этнографией и социальной критикой, грань между приемами антропологического и литературоведческого исследования, грань между методами социологического и исторического анализа, грань между *Naturwissenschaften u Geisteswissenschaften*. В его творчестве оказалось растворено слишком много граней – многие не могут ему простить этого до сих пор. Мы живем, как замечал Гирц в начале 1980-х годов, в странный, параноидальный момент времени, когда "провинции мысли" тщательно оберегаются и когда административные идеалы аттестационных комиссий ("сегодня у нас все области знания имеют свои названия") в высшей мере вступают в противоречие не только с характером гуманитарных исследований, но и с сущностью научного познания вообще.

Но он заслужил себе репутацию и как антрополог, который до конца остался последовательным антропологом и который приложил все усилия к тому, чтобы его дисциплина оставалась на передовых рубежах познавательного процесса в сфере гуманитарных и социальных наук. В американском контексте творчество Гирца было важно, возможно, в наибольшей мере именно тем, что оно внесло свежую струю *Geisteswissenschaften*, гуманитарных наук, в культурно-антропологическую дисциплину, которая в оптимистичном "прогрессистском" климате 1950–1960-х годов все чаще стала позиционировать себя как нечто среднее между классической *Naturwissenschaft*, естественной наукой (о "старом добром" месте в тот период стали все больше вспоминать представители эволюционистских, экологических и нео-материалистических течений) и классической прогностической социальной наукой контовского типа. Клиффорд Гирц, как и Франц Боас в начале XX в., сделал многое для того, чтобы перевести антропологию с позитивистско-натуралистического на культурно-исторический фундамент. О той линии развития, которую антропология приняла под влиянием творчества Гирца, часто говорят как о "нео-боасовской" именно потому, что Гирц сумел внести огромный вклад в дело сохранения преемственности традиций, заложенных в американской науке о человеке в первой половине XX в.

1970–1990-е годы в культурной антропологии США характеризовались распространением большого количества самых разнообразных направлений и субнаправлений в дисциплине, но, безусловно, они прошли под знаком четко ощущаемого присутствия этой либеральной, культурно-исторической нео-боасовской линии, которая во многих отношениях выполняла роль стержня (не обязательно центрального, "осевого", стержня – но тем не менее стержня, присутствовавшего и задававшего свой характерный научный, моральный и этический ориентир). Уход Клиффорда Гирца – в этом смысле событие действительно знаковое, ибо вполне возможно, что оно закрывает собой данный период в истории развития дисциплины. В условиях наступления неоконсервативных тенденций как в США, так и в Западной Европе и в России, труд-

но сказать, какое направление примет новый вектор научной практики и научных интересов в гуманитарных и общественных науках. В антропологии США, в частности, где неоконсервативный климат уже нанес существенный урон позициям того, что ранее называлось "интерпретативной антропологией", присутствие Клиффорда Гирца на его бессменном посту в Принстонской школе социальных наук было чрезвычайно важным символическим ориентиром – своего рода маяком, указывающим, что путь в том-то и том-то направлении до сих пор открыт. Джордж Маркус, известный американский антрополог, комментируя печальное для науки событие, сказал: "Есть ученые, факт присутствия или отсутствия которых сам по себе не важен для настроя дисциплины. Таков, например, Эдвард Саид. Многие даже и не знают, жив он или нет, и это не отражается на его роли. И есть ученые, факт присутствия которых чрезвычайно важен, как факт присутствия гуру в племени. Таков Клиффорд Гирц. Гуру ушел, и племя почувствовало себя беззащитным".

Жаль, если это действительно так. В наступающий период политкорректности, регламентированности и прагматизма, культивируемых нередко в ущерб знанию, период дефляции гуманитарных ценностей и повышающегося идеологического прессинга на науку как инструмент Клиффорд Гирц оставался одним из немногих харизматических ораторов в антропологии, которым удавалось эффективно напоминать как дисциплинарному сообществу, так и людям вне его, что антропология не есть социальная инженерия, но есть диалог. "Из всех человеческих наук и исследований, – говорил другой замечательный антрополог-гуманист, Виктор Тэрнер, – антропология наиболее глубоко коренится в социальном и субъективном опыте исследователя". В самом деле, один из уроков интерпретативной антропологии Клиффорда Гирца заключается в простом, но болезненном напоминании: не стоит забывать о том, что мир, проблематизируемый нами, учеными, это во многом продукт нашего собственного метода рассуждений о нем. Мы, как этнологи, – возможно, больше, чем какие-либо другие ученые, – склонны закрывать глаза на тот факт, что объект, который мы представляем в наших исследованиях, это феномен, созданный средствами и ограниченный рамками языка, на котором мы сами рассуждаем о нем.

Но языков много. Мир невозможно плюралистичен. "Отличительная черта современного общественного сознания, – говорит Клиффорд Гирц в предлагаемой вниманию читателя статье, открывающей данный номер журнала, – его поразительная множественность". Жить в множественном мире, следуя принципам унитарного мира, – разрушительная идея. Но что значит жить, руководствуясь принципами "множественного мира"? Ответ на этот вопрос – долг современной антропологии, по крайней мере, антропологии такого типа, за который всегда продолжал ратовать Клиффорд Гирц.